

Каспийский поход Петра I в мемориальных практиках XIX века

Д.С. Ткаченко

*Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Российская Федерация*

Статья посвящена анализу складывания мемориальных практик коммеморации Каспийского похода Петра I на примере эволюции образов пребывания российского императора в Дербенте. Несмотря на краткость личного пребывания Петра I на западном побережье Каспийского моря, интерес к нему стимулировал попытки изучения всех деталей как организации военных действий, так и нахождения императора в Дербенте. Ведущим объектом мемориализации стала «землянка Петра I», изучению легенд появления которой был посвящен целый ряд публикаций современников. Несмотря на то, что в аутентичности объекта сомневалась как научная общественность, так и военная администрация города, землянка стала своеобразным «местом памяти», на сохранение которого были направлены сознательные действия. Пример эволюции внешнего вида комплекса может служить яркой иллюстрацией основных положений теории коммеморации, как о приоритете «фоновой истории» над внешним обликом объекта, так и о сплаве исторической памяти с текущими политико-идеологическими потребностями имперских властей. Пропаганда связи русскоязычного населения города с историей вхождения региона в состав Российской империи имела важное политико-идеологическое значение в многонациональном городе.

Ключевые слова: Каспийский поход, Петр I, мемориализация, коммеморация, историческая память, Дербент, идеология.

Для цитирования: Ткаченко Д.С. Каспийский поход Петра I в мемориальных практиках XIX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №4. С. 167–173.

10 мая 1796 г. русские войска под командованием Валериана Зубова в очередной раз взяли укрепленный Дербент и «надменный главнокомандующий в угоду своей повелительнице, а может быть, собственному самолюбию, не упустил случая связать взятие города с воспоминанием о Петре Великом. Ключи Дербентской крепости были поднесены графу Зубову тем самым 120-летним персиянином, который подносил их и Петру» [3, с.3]. Данная деталь похода дала повод к появлению множества сравнений и замечаний – как льстивых, так и колких. «Если этот анекдот, выдуманный, быть может только ради оригинальности, справедлив, – пишет С. Гельбит, – то старик мог пожаловаться на жестокость своей судьбы, приберегшей для него, после стольких лет, несравненно большее унижение, чем первое. Тогда он отдавал ключи великому, всеми почитаемому и коронованному

победителю; теперь – юному, невежественному и злодейскому выскочке» [2, с.435]. В целом же критикующие бездарных преемников Петра современники не сомневались в общей целесообразности действий России на юго-восточной границе империи и первый русский император выступал для них как некий эталон для оценки. При этом, отдавая Петру I должное, люди стремились обречь образ великого императора в монументальные формы, обратив память о нем в пользу актуальной для них политики. Даже стремившийся подражать Петру В. Зубов, карьера которого и закончилась в Персидском походе, смог угадать, что очевидным местом коммеморации императора на Кавказе должен был стать город Дербент и его окрестности.

Вступление Петра I в Дербент было ярко описано П.Г. Бутковым, который опирался на записки очевидцев. «21 августа армия выступила в поход и по весьма трудному переходу, 22 стала лагерем при реке Дарбах, а 23 впоследствии в шествие Его Величества в Дербент. Наиб с великою свитою знатнейших жителей встретили Государя за версту от города, и пав на колени, поднес Его Величеству на серебряном блюде городской серебряный ключ, покрытый богатою персидскою парчой, который доныне хранится в императорской кунсткамере при Академии наук. У ворот города стояла дербентская пехота в ружье и со знаменами, так же и духовенство с алиевым знаменем и множество народу. Во время церемониального шествия городом производилась со стен городских троекратная пушечная пальба. Войско российское, пройдя через город расположилось станом, пехота – около английской мили на юго-восток от города и около полмили английской от моря; конница и казаки расположились для хорошего конского корма впереди, при речке Милукунты. Поставлен ко всем воротам российский караул, в крепость введено охранное войско с артиллерией, под начальством полковника Юнгера, который был здесь с сего времени комендантом, до самой отдачи Персии персидских провинций в 1736 г.» [1, с.26–27].

В середине XIX в. в среде русской военной общины Дербента появляется рассказ об отдыхе Петра I в землянке, расположенной в предместье – Дубарях, где он находился, пока русские войска проходили через город [4, с.4.]. Начальник Дагестанской области в своем отчете перед МВД, ссылаясь на рассказ пишет, что «по преданию, Петр Великий отдыхал во время пребывания в Дербенте в 1722 году в этой землянке, находящейся в нескольких саженах от моря в восточной части города. Землянка сложена из камня и обмазана глиной» [7, л.3 об.–4]. Несмотря на скромный вид, строение, связанное со столь значимым для российской истории лицом, оно не могло не стать «местом памяти». К началу XX в. землянка превратилась в целый имперский мемориал, отмечавший знаменательное событие – появление русских войск на Кавказе. По словам В.А. Потто, «землянка ... служит предметом внимания всех путешественников» [4, с.5]. Как отчет губернатора, так и рассказ В.А. Потто, описывали состояние памятника на

начало XX в., в то время как мемориализация данного объекта заняла довольно продолжительное время.

В 1849 г., во время своего пребывания в Дербенте, Кавказский наместник М.С. Воронцов, обратил внимание на историческое место и «близившаяся уже к разрушению» землянка, была приведена в порядок, покрыта навесом и обнесена чугунной решеткой с надписью: «Место первого отдохновения Великого Петра» [4, с.6]. В дальнейшем военная администрация все больше совершенствовала мемориал: как свидетельствует военный губернатор Дагестанской области в отчете МВД, «в 1862 году построен на каменных столбах навес с железной крышей из инженерных сумм. В 1894 г. исправлена и окрашена крыша из тех же сумм за 300 р. Памятник находится в ведении Дагестанской инженерной дистанции, под надзором квартирующего в г. Дербенте Гунибского резервного батальона, которым и содержится в исправности» [7, л.3 об.–4].

Следует отметить, что, внося дополнения и исправления в памятник, администрация вскоре вообще скрыла саму землянку из виду: массивные каменные колонны были соединены между собой ажурными чугунными решетками, по сторонам от входов под навес были установлены четыре старинные пушки, отлитые в 1715 г. Чертеж мемориала в разрезе показывает еще более пышные детали, которые планировалось привнести в комплекс: капители колонн в форме восточных лотосов и декоративные башенки на углах навеса [6, л.1]. Весь же изображенный мемориал просто потрясает своим контрастом между неказистостью землянки и грандиозностью сооруженного вокруг нее комплекса, причем, если на фотографиях конца XIX в. под навесом еще можно хоть что-то разглядеть, то конструкция начала XX века затмила собой вообще все. Фотографии [5, л.1] показывают, что вокруг мемориала разросся сад, а перед входом была поставлена будка для почетного караула. Недалеко от мемориала для солдат караула был устроен колодец с водой. При этом даже отдельные детали мемориала выглядели более солидными архитектурными строениями, чем исторический объект – сама землянка.

Приведенный материал ярко подтверждает идею западных исследователей о том, что в любом монументе для потомков более важна та «фоновая история», которую он транслирует, а «неизменность монументов по большому счету – лишь фикция, так как физический образ памятника неизбежно подправляется, видоизменяется или с течением времени как-то еще преобразуется» [1, р.7]. Показательно, что при описании истории превращения в Дербенте скромной землянки в помпезный имперский мемориал, губернатор в отчете МВД даже высказал свое сомнение в том, что начальный объект вообще существовал и не является плодом фальсификации. «Нужно заметить, – пишет он, – что Березин, посетивший Дербент в 1842 г., говорит только о сохранившейся на самом берегу земляной насыпи, сделанной по велению Петра Великого для защиты выгружаемого провианта» [7, л.3 об.–4].

Сомнения, беспокоили не только губернатора, но и современников. Так, в 1890 г. одним из корреспондентов газеты «Кавказ» было проведено тщательное расследование историчности легенды. Он попытался найти первоисточник сведений о землянке Петра I. «Первое печатное известие об этом историческом памятнике находится в путеводителе по Закавказскому краю О. Константинова, помещенном в Кавказском календаре на 1851 год. ... Неизвестно, откуда почерпнул свои сведения О. Константинов, но, во всяком случае, не из печатных источников, так как в них не упоминается ничего о знаменитой землянке. Сомнительно так же, чтобы оно было заимствовано из местных преданий, так как подобная легенда не могла бы ускользнуть от внимания других исследователей Дербентской старины» [3, с.3]. Автор, так же как и губернатор в официальном отчете, ссылается на авторитет профессора И. Березина, который, будучи в Дербенте в 1842 г., и подробно описавший его в своем «Путешествии по Дагестану и Закавказью», не имел никаких сведений о петровской землянке, хотя тщательно искал следы пребывания в Дербенте великого государя. Автор так же ссылается на Валериана Зубова, который сознательно связывал свое пребывание в Дербенте с памятью о Петре: «можно думать, что петровская землянка не была бы забыта при этом случае, если бы только дербентцы знали о ее существовании» [3, с.3].

За прояснениями деталей пребывания Петра I в Дербенте корреспондент обратился к письменным источникам – запискам участников похода (английского врача Д. Бэля и бывшего молдавского господаря Дмитрия Кантемира), которые так же ничего не говорили о землянке, хотя буквально по часам описывали пребывание Петра I в городе. Более того, современники похода отмечали прямо обратное, – что «Наиб Дербента предложил помещение в своем доме, но Петр отказался и к вечеру уехал обратно в лагерь... Ни один из них ни говорит ни слова о том, чтобы Петр жил в приморской части города; напротив, они свидетельствуют, что царская ставка находилась при главных силах действующей армии. Стоянка под Дербентом продолжалась всего одну неделю, да на обратном пути – два дня. При таких условиях невозможно даже представить себе причины, которые могли бы заставить Государя избрать для жилья темную и тесную землянку, когда в 1 ½ верстах от города была расположена его армия, среди которой находилась императрица» [3, с.3]. В конце статьи автор делает вывод, что легенда о землянке «лишена твердой исторической почвы» и родилась уже в XIX в., скорее всего, где-то между 1842–1850 гг. Для современного же исследователя имперской идеологии вся история создания мемориала из скромной землянки служит яркой иллюстрацией того, как на практике в сознании строителей мемориала происходил «сплав почитания памяти с насущными идеологическими потребностями для утверждения авторитета власти» [8, р.9]. Историчность объекта мемориализации в данном случае отступала на второй план перед красотой той «фоновой истории», которую должен был транслировать мемориал. Образы же, связан-

няя с пребыванием Петра I в Дагестане, приводившиеся В.А. Потто, звучали очень красиво:

«22 июля 1722 года Петр вступил на берег первым и, поднявшись на высокий песчаный холм, внимательным оком окинул еще незнакомые ему окрестности. С одной стороны перед его глазами колыхалось древнее Хвалынское море, с другой – широко раскинулась необозримая прибрежная степь, которая на юге резко замыкалась цепью скалистых гор Дагестана. У низкого берега, под самыми ногами царя тихо качаясь на волнах, стояла утлая татарская ладья с высокой мачтой, а дальше при входе в Аграханский залив, на едва колыхавшейся поверхности моря, сновали суда русской эскадры с развевающимися над ней флагами. Это были эмблемы прошлого ничтожества и будущего цветущего состояния края» [4, с.1–2]. Образ, созданный В.А. Потто, не имеет никаких письменных подтверждений в свидетельствах современников, но идея величия, обретенного краем с приходом в него русских войск, оказалась просто идеальной для «фоновой истории» памятников, посвященных Петру I. «Колоссальная личность Петра оставила на всем пути следы своего пребывания и теперь еще народ показывает те предметы, которые так или иначе связывались в его воображении с именем великого человека. Не все они имеют за собой исторической достоверности, но все они одинаково равны и дороги, показывая, как сильно запечатлелся в народной памяти могучий образ царя, приходившего с далекого севера» [4, с.3].

Несостыковки легенды и исторические ошибки не волновали имперских идеологов и при мемориализации других объектов, связанных с деятельностью Петра I. В Дербенте, продолжает В.А. Потто, «Петр поселился в самой цитадели, в бывшем ханском дворце. Там в тиши кабинета, обдумывал он свои грандиозные планы, касавшиеся нашей морской торговли с Закавказьем, Персией и Индией, там же в нетерпеливом ожидании флотилии, плывшей из Астрахани с провиантом для русского войска, он собственными руками пробил окно, чтобы видеть перед собой море. Это небольшое круглое окно, из которого Петр, задумчивый и грозный, смотрел на будущий русский Каспий, ожидая кораблей из Астрахани, было оставлено в неприкосновенности после того, как Дербент снова перешел в персидские руки» [4, с.5–6]. Как архитектурный шедевр окно, являясь бесформенной дырой в стене, конечно, не представляло особой ценности и было значимо лишь самим фактом причастности к нему Петра Великого.

В 30-е гг. XIX в. один из русских комендантов Дербента решил, «что подобное отверстие безобразит зал и святотатственно переделал его в обыкновенное окно для симметрии с другими. Грустно покачал головой маститый наместник Кавказа князь Михаил Семенович Воронцов, когда впервые посетил Дербент и собственными глазами убедился в том, чему не хотел верить. Он приказал немедленно, насколько возможно, восстановить окно в прежнем виде, и в то же время обратил внимание на другой исторический памятник – землянку Петра Великого, близившуюся уже к

разрушению» [4, с.6]. Сам же В.А. Потто приложил много труда, локализуя данное окно в общем комплексе Дербентской крепости Нарын-Кала и на одном из снимков начала XX в. даже пытался схематически указать на место его расположения. Вместе с тем, в официальном отчете военного губернатора Дагестанской области, данный артефакт как памятник даже не упоминается. «Цитадель, – отмечает он, – служила резиденцией дербентских ханов, потом дербентских комендантов и войск гарнизона. В ней находятся казармы, службы и обильное водохранилище каменной кладки, глубиной до 15 сажений. В настоящее время цитадель войсками не занята, и здания ее все больше приходят в ветхость и частью разобраны. Цитадель состоит в ведении Дагестанской инженерной дистанции и охраняется караулом от Гунибского резервного батальона. Средств на ее поддержание не отпускается» [7, л.5–5 об.].

Взятие Дербента стало последним эпизодом личного участия Петра I в Персидском походе: штурм на Каспийском море разбил флотилию с провиантом, шедшую из Астрахани к Дербенту, что сделало проблематичным ведение дальнейших военных действий в 1722 г. Поручив командование войсками на Кавказе генералу Матюшкину, Петр I через Астрахань вернулся в Москву, где целой серией торжеств с возведением триумфальной арки отметил присоединение Дербента к Российской империи. По справедливой оценке историков, император лишь «привел Россию на Кавказ», однако большинство из его территориальных приобретений на юге страна в XVIII в. еще не могла удержать за собой и была вынуждена уступить обратно Персии. Но при этом «подвиги Петра имели значение в длительной перспективе. Они установили ту сцену, на которой в России росло чувство вовлечения в Кавказскую политику, – породили идею, что не только безопасность России, но и сама ее идентификация как империи, раскинувшейся одновременно и в Европе, и в Азии зависят от прекращения Османского и Персидского контроля в регионе» [9, p.25]. Представляется, что примерно так же о деятельности императора думали и люди начала XX века, комментируя деятельность Петра Великого через возведение и совершенствование мемориалов и стремящихся все возрастающей пышностью деталей комплекса передать потомкам послание о степени своего уважения к памяти основоположника Российской империи.

Источники и литература

1. *Бутков И.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Часть 1. СПб.: Императорская Академия Наук, 1869. 620 с.
2. *Гельбиг И.* Русские избранники и случайные люди в XVIII веке // Русская старина. 1887. №57. С.425–444.
3. *Е.В.* Кавказские заметки. Землянка Петра Великого в Дербенте // Кавказ. 1890. №52. С.3.
4. *Потто В.А.* Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Тифлис: Типогр. Штаба Кавказского военного округа, 1906. Т.I. 152 с.

5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1293. Оп.169. Д.325.
6. РГИА. Ф.1293. Оп.169. Д.326.
7. РГИА. Ф.1284. Оп.188. Д.122.
8. *Gobel D., Rossel D.* Commemoration in America: Essays on Monuments, Memorialization and Memory. Charlottesville: University of Virginia Press, 2013. 318 p.
9. *King Ch.* The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 2008. 291 p.

The Caspian Campaign of Peter I
in the Memorial Practices of the 19th century

D.S. Tkachenko
North Caucasus Federal University
Stavropol, Russian Federation

The article is about the memorial practices of the Caspian campaign of Peter the Great on the example of evolution of images of the Emperor's visit to Derbent. Despite of the shortness of his stay at the Caspian coast, all the details of military complain and the Peter's stay in Derbent was carefully investigated. The main object of the memorialization was the 'Peter's dugout', the numbers of publications about the legends around their appearance made by contemporaries. Both the scientific community and the city's military administration doubted its authenticity, but dugout became a peculiar 'place of memory' which carefully preserved. The propaganda of the connection of the Russian-speaking population of the city with the history of the region's integration into the Russian Empire had an important political and ideological significance in the multinational city.

Keywords: Caspian campaign, Peter the Great, memorial, commemoration, historical memory, Derbent, ideology.

For citation: Tkachenko D.S. The Caspian Campaign of Peter I in the Memorial Practices of the 19th century. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 4, pp. 167–173. (In Russian)

Информация об авторе:

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Российская Федерация); e-mail: tkdmsg@rambler.ru

Tkachenko Dmitry Sergeyeovich – Dr. Sci. (history), Professor of the Department of History of Russia, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation).